

Союз
писателей
Москвы

Библиотечка
ПОЭЗИИ

Выпуск №3

Елена
Лапшина

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

Библиотечка поэзии

ЕЛЕНА ЛАПШИНА

СТИХИ

МОСКВА 2009

ББК 84 Р7-5

Л 24

Библиотечка поэзии
Союза писателей Москвы

Главный редактор
Людмила Осокина

Редколлегия

Елена Исаева
Алексей Караковский
Кирилл Ковальджи
Нина Краснова
Татьяна Кузовлева
Елена Лапшина
Галина Нерпина
Александр Тимофеевский

Елена Лапшина. - М., Союз писателей Москвы,
Л 24 2009. - 32 с. (Библиотечка поэзии СПМ).

Имя Елены Лапшиной известно пока что только в литературных кругах, но известно довольно широко. Елена стипендиат Форума молодых писателей (Липки, 2006), лауреат Волошинского конкурса (Коктебель, 2007), лауреат премии литературного журнала СП Москвы «Кольцо А» (Москва, 2008), дипломант премии «Эврика» (Москва, 2008)

ISBN 978-5-255-01677-21

О НАШЕЙ БИБЛИОТЕЧКЕ

“Что делать нам с бессмертными стихами?” – воскликнул Гумилёв по совершенно другому поводу, но сегодня это звучит – увы! – слишком конкретно. Как быть поэзии в жестких условиях рынка, как ей быть в попсовом телевизионном пространстве, в бездонном, слишком доступном для графоманов Интернете?

Это факт: поэзия с каждым годом богаче, а читателей всё меньше.

Вот мы и решили внести свой, пусть небольшой вклад в дело преодоления такой болевой ситуации. Решили выпустить недорогие книжечки избранных стихотворений современных поэтов – членов Союза писателей Москвы. Эти книжечки – своеобразные визитные карточки для представления данных авторов-профессионалов широкому кругу читателей.

К сожалению, массовый читатель знаком только с немногими ключевыми фигурами современной поэзии. Но есть много поэтов, заслуживающих внимания, но не удостоившихся по разным причинам всенародной известности. Их знают, в основном, только профессионалы, коллеги по литературному цеху. Но так хотелось бы, чтобы их имена стали известны многим.

Поэтому для тех, кто заинтересуется тем или иным автором, мы даем его краткую библиографию.

Идея библиотечки давно носилась в воздухе. Но Союз писателей Москвы смог приступить к ее осуществлению только сейчас.

Будем надеяться, что число помощников и спонсоров библиотечки со временем увеличится, тогда и периодичность издания, и тиражи возрастут, а уж за поэтами дело не станет!

Редколлегия

Елена Лапшина

Елена Лапшина родилась в подмосковном городе Фрязино в 1970 году.

Окончила экономический факультет Московского лесотехнического института. С 2000 года посещала семинары: Игоря Волгина в Литинституте, Елены Исаевой, Ольги Татариновой, Асара Эппеля.

В 2003 году вступила в Союз писателей Москвы.

Публиковалась в московских литературных журналах: «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Арион», «Кольцо А», «Литературная учёба», «Дети Ра»; и в зарубежных русскоязычных: «Интерпоэзия» (США), «Иерусалимский журнал» (Израиль), «Радуга» (Украина), «Крещатик» (Германия). Автор двух поэтических книг – «Вымани Ангела» (совместно с поэтессой Ольгой Ивановой) и «В невесомой воде». Обе книги вышли в издательстве «Летний сад» (Москва, С.-Пб.).

Стипендиат Форума молодых писателей (Липки, 2006), Лауреат Волошинского конкурса (Коктебель, 2007), Лауреат премии литературного журнала СП Москвы «Кольцо А» (Москва, 2008), Дипломант премии «Эврика» (Москва, 2008).

С недавнего времени работает в журнале «Октябрь». Вот что пишут о Елене Лапшиной в литературной прессе.

«Она «тихий» автор, если понимать под этим не отсутствие темперамента, а сдержанность и прозрачность слога. (...) Стихи Лапшиной, хотя и неровные, отличаются удивительным для современной поэзии целомудрием, смирением и внутренней силой. Причем во всем этом не поза – чувствуется реальное жизненное делание, живая «душа».

Дмитрий Полищук
«Новый мир» (№8/2005)

«Принцип Лапшиной: обозначить детали, назвать то, что вокруг, описать обстановку и спектр – по описанию мы догадаемся: это – любовь. (...) Поиск осмысленности переходит в новую фазу, духовные искания определены восстановленной иерархией мира: искомым адресат лирики – Бог. Адресат земной выступает в качестве проводника, резонатора смыслов и слов, обращенных к небесному; веки восхождения из мира дольного в горние сферы совпадают с веками, узловыми точками развития любовной интриги. (...) Лапшина фиксирует здесь момент, точку, когда на подступах *гибель всерьёз*. Ощущение конечности мира заостряется всё сильнее, любовь уже не спасает. Человек остается один на один с разломом в собственной душе...»

Елена Погорелая
«Новый мир» (№11/2007)

«Еще до Форума в сборнике Елены Лапшиной «В невесомой воде» я «споткнулся» об стихотворение «Я не помню – зачем-то просили плясать Саломею». Оно, я уверен, прямо просится в антологию. Если стихи Грибоедова легко разобрать на цитаты, то попробуйте вырывать строки Лапшиной из контекста! Это как раз тот случай, когда целое не имеет частей... Поэтический дар Лапшиной несомненен – ее стихи серьезные, ее мир многомерный, не каждому дано так органично совместить в себе живую жизнь с жизнью родной речи и вековой культуры человечества. Простота и сложность, вызов и смирение, откровенность и тайна. В современном хаотическом развитии русской поэзии Елена Лапшина счастливо незатронута никакой тусовочной модой, никакими внешними требованиями. Она себя не ищет, она уже нашла...»

Кирилл Ковальджи
Сборник Форума молодых писателей России
«Новые писатели» (2007)

Елена Лапшина
.....

* * *

О.И.

Как речная рыба по стуже мрёт, –
по любую сторону правоты
изгибайся, бейся об этот лёд,
умоляя: воздуха и воды...

Золотою сукровицей кропи
эти льды и воды угрюм-реки,
проходи насквозь, выживай, терпи,
раздирая жабры и плавники.

Чтобы после – в долгий июльский зной –
в наступившей неге и немоте
прикоснуться выстругленной спиной
ко ступне Идущего по воде.

* * *

Я видела – в лугах его, далече, –
как, обгорев, но ран не замечая,
он бродит, пряча розовые плечи
среди густых метёлок иван-чая.

И я слышала – смертная, мирская, –
как на чужом наречьи незнакомом
он пел, тяжёлых век не размыкая,
кому – не знаю: птицам, насекомым...

И мне казалось, будто в этом теле
ему легко среди травы и зноя...
И облака всё посолонь летели
кибиточками в Царство неземное,

уже звала не Волга, но – Валгалла,
и отцветало пёстрое, простое...
И я жила, пока ещё мелькала
его спина в зелёном травостое.

Елена Лапшина
.....

* * *

Через целую жизнь, – отгордившись грехами отцов
и наделав своих, – наконец принимаю сиротство.
Чёрно-белые карточки милых моих мертвецов
в неопрятном альбоме теряют портретное сходство.

Я вас помню не так... Я за вами иду по пятам.
Вы такие, как есть, – это мой коленкор изменился.
Призакроешь глаза – и как будто проснулся не там.
И как будто не жил, а кому-то навязчиво снился.

В подмосковье весна – захолустному снегу каюк,
мать-и-мачеха прёт, и на Пасху такая отрада!..
Улетевшие птицы, ну как там обещанный юг?
А у нас тут земля проседает, корёжа ограды.

За любой недогляд плотяное пуская на слом,
землеройствует жизнь... Но порою привидится снизу,
будто небо меня задевает своим подолом –
я тихонько лечу, ухватившись за синюю ризу.

* * *

Ещё никто не понял, что случилось,
и жизнь ещё похожа на бессмертье,
и Бог не обрезает пуповины,
и Ева всё рождает дочерей,

и дольний мир, как детская, ухожен,
ещё свежо, и долго до Голгофы,
на дудочке играет юный Каин,
Адам ещё наивен, как дитя...

И мир ещё не знает Александра,
но где-то в глубине земного ада
ему уже придумано название,
и ад уже зовёт его Великим.

Елена Лапшина

.....

* * *

С.К.

Я знаю эту хворь на грани невозврата,
когда с бельмастых глаз спадает пелена,
хотя ещё земли – не пять локтей на брата,
и воды – через край, и воздуха сполна,

и глохнет тишина от голосов утиных,
и пахнет первачом опавший прелый лист,
холодная роса висит на паутинах,
и яблочный послед скуласт и мускулист.

Тончает и сквозит всё зримое воочью,
но хочется ещё отодвигать итог,
и рано засыпать, и просыпаться ночью,
и слушать между стен мышинный топоток,

до ветхости носить простые плоть и платье,
и Бога не гневить, и бровь не гнуть дугой.
Надломленный ломоть, ездок на самокате –
я всё ещё пылию, топчусь одной ногой.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Тупая усталость, предсмертная дрожь, –
как будто по снежному полю идёшь.
Как старая Герда – любовь во плоти –
застыла, забылась и сбилась с пути.
И меркнет рассудок, и сумрак – вокруг,
и дремлет под снегом ненайденный друг.
Забвеньё, затишье и дело – к утру,
сухие былинки звенят на ветру.
И слышно, как в норах – во мраке парном –
полёвки хрустят припасённым зерном.
И манит подземный мышинный уют.
Но белые волки призывно поют...
И кто-то по следу – из далей иных –
уже подъезжает в санях ледяных.

2.

Что Герда – седому Каю –
остуды его года –
прощаю и выкликаю
глядящих из-подо льда.

Какое тут сердце сыто
свободой своей чумной?
Во льду нелюбви Коцита
теплее ли, чем со мной?..

Елена Лапшина
.....

* * *

На даче – лепота: пионы и люпин
толкуются у стола, заглядывая в чашки.
Теплень, а ты с утра ворчишь, и ты – любим
до каждой клеточки на клетчатой рубашке.

Смородиновый чай, кузнечики у ног,
сомлел соседский кот на плиточной дорожке.
Ты отгоняешь прочь цветочный табунок,
встаёшь из-за стола, отряхивая крошки.

И всё ещё – оса над чашкой голубой;
и всё уже – как есть, и не в чем сомневаться.
И фотку бы в альбом: «вот это – мы с тобой»...
Но это – я и ты – в свои невосемнадцать.

И надобно опять – в прозябшее жильё –
отважиться на жизнь с повадкой постояльца –
в болезни и нужду, в безлюбие твоё, –
чтоб не пускать корней и смерти не бояться.

НЕМО

В поющей воде, зависая внизу,
застывшей соринкою в круглом глазу

ржавеющей рыбы плывёт не домой
мой сумрачный Немо, извечно немой.

И ластаня рыбы к стеклянным кругам,
к его золотым законным рукам

сплетённым... И, тонкую ткань теребя,
он будто бы сам обнимает себя.

А ветхая вечность почти истекла...
Он смотрит, как рыбы, касаясь стекла,

зевают, а может, зовут: догони!..
Но кажется Немо, что немы они.

Елена Лапшина

.....

* * *

Вольнолюбивый, боли моей внемли...
Но каменисто тело моей земли:
как ни жалела – не приняла нигде.
Так на Итаке прах предают воде:
тлеющим телом, лодкою слюдяной
он уплывает, благословлённый мной,
в меркнувшей славе – силе его былой,
с горлом, пробитым бдительною стрелой.
То ли ласкает, то ли блажит вода –
лизжет солёный мёд его живота,
блик на лице, запястья его излом...
Всё помавая, как золотым веслом,
смуглой ладонью правит в предел иной
летом печали изгнанный Антиной.

* * *

Тупое упорство природы – вот всё, что смогли, –
слепые стихии, враги, а могли бы – богами.
Над сонной пустыней моей каменистой земли
твоё соколиное солнце восходит кругами.

Пали эту землю – не жалко! – ей поздно рожать:
солёные пыльные степи, бесплодная Геба.
И мреющий воздух от клёкота будет дрожать,
и дрогнет сухая равнина, держащая небо.

Тогда и моё потаённое солнце взойдёт –
бессонное солнце глубин, погребённое вживе,
мой неугасающий гнев, огнедышащий гнёт –
не всесожигаемой жертве – ненужной поживе.

И горькие травы поднимутся, как оберег,
над стылою лавой, над заново слепленной глиной.
И ринется время набухшими руслами рек,
и эхом прокатится клёкот вдали соколиный.

* * *

Мы – в замысле – сошли не разными – родными
на терние земли из Божьего жилья,
и памятью тому – моё земное имя,
созвучно твоему: Елена – Илия.

Услышь меня, услышь, хоть я шепчу иначе,
чем Ева в райский день, обутая в росу.
Под шелестом ветвей, в неразличимом плаче,
не яблоко тебе – спасение несу.

С усладой на словах и с немощью – на деле
не плотскости ищущу, а помощи – душе.
Мне ноша тяжела, давай её разделим, –
родные – в небесах, не чуждые – уже...

Елена Лапшина
.....

* * *

Мне дашь ещё тридцать – к полудню, но скоро – не дашь:
прошло, пролетело – тщета-суета-камарилья.
Последняя хитрость – слегка послунив карандаш,
оправить бровей отыгравшие ломкие крылья.

И жить терпеливо, и делать простые дела,
свой малый возок волочить из безлюдного леса.
И брать эти скорби, как лошадь берёт удила,
усвоив солёный устойчивый привкус железа.

И ждать утешенья под этой тяжёлой рукой –
за слёзы по нашей тщете даже Бог не осудит, –
где только тупое терпенье приносит покой, –
хотя бы немного покоя, раз счастья не будет.

* * *

И в дольний мир ненадолго сходя,
как лестницами – струями дождя
пройти в ушко тропою караванной.

И слушать, как упорствует трава,
и лебедей пускать из рукава,
и загоститься, будучи незваной.

А после, выкликая имена,
ещё не понимая, что – одна,
брести обратно – в край обетованный.

Елена Лапшина
.....

* * *

Где крона вековая высока,
я – как дитя, как девочка простая –
стою, к стволу спиною прирастая,
отряхивая стопы от песка.

Корявый ствол – изранен и дуплист –
из тел и лиц сплетается, пока я,
во тьму ветвей руками проникая,
из каждой пясти испускаю лист,

всё поднимаюсь лестницею той –
ни девочка, ни взрослая – иная, –
расту – простоволосая, сквозная –
и дерево сплетаю с высотой.

* * *

Всяко хищного хитрого зверя во мне излови,
облегчи не ручную поклажу – сердечную кладь.
Научи меня, Господи, той нетелесной любви:
не лицо дорогое – любить, не объятья – желать.

Зверь и впроголодь жив – не кормлю, не давала бы пить,
да сама угасаю – близнец не по крови родной.
Научи меня, Господи, так незлобиво любить,
чтобы алчущий зверь не метался по клетке грудной.

Научи меня, Господи, видеть очами любви
не своё отражение в муже – подобье Твоё,
чтоб не выло, не корчилось, изнемогая в крови,
то дитя, одичавшее с голоду, яко зверьё.

Елена Лапшина
.....

* * *

Бесстрашный мир до дерзких десяти
с лишайной кошкой, мучимой под лавкой,
когда не больно говорить «прости»
и бабочку прокалывать булавкой.

Где фольговые золотца конфет
на пять мгновений делали «богачкой».
И сразу было ясно – смерти нет
и боль всегда становится – болячкой.

Где с каждой тварью Божьею на «ты»
(помимо взрослых – им родства не надо).
Когда боялась только темноты,
как юный Дант, ещё не знавший ада.

* * *

Сколько ни славословь
пламя того куста, –
это ли – не любовь,
это ль – не красота?

Здешняя, злая вся –
ангельским бьёт крылом,
на волосах вися,
словно Авессалом,

смутной своей тоской
смертному отслужив.
Но в красоте плотской
замысел Божий жив.

Чтобы Высокий Глас
не угасал в кусте,
плачу о смертных нас,
плачу – по красоте!

В мире дерев и трав,
вторящих небесам,
голову потеряв,
плачу по волосам.

Елена Лапшина

.....

* * *

Она коротала морозную ночь до утра
у зоркого зеркала, прежнюю прыть вспоминая –
о том, как была молода, да вот стала стара,
и дом у неё ледяной – не изба лубяная,

где топят по-чёрному, въедливым дымом дыша,
и где по щелям догнивают смола и солома,
где греют еду и ладони, но зябнет душа,
и лисьего духа не любят, и лисьего дома.

А дом ненадёжный и светел над ней, и высок.
Весна далеко, и дожждаться-то многим дано ли...
И лисий за стёклами заиндевелый висок,
и вполоборота в окошке лицо ледяное.

МОНАСТЫРСКИЙ ДВОРИК

1.

Стреляет день из солнечных баллист
над тишью монастырского придела.
Улитка мерит виноградный лист
прикосновеньем маленького тела.

В янтарной капле на её спине
таится свет для долгих летних странствий.
И, кажется, что раковины нет –
сплошное неевклидово пространство.

2.

Медленные шаги, дальние голоса –
через калитку в рай за городской собор
в душную гущу трав, заполонивших сад:
в готику ломких мальв, донник и водосбор.

Каменная скамья – пристань незримых игр,
где озирает твердь новый её Колумб,
думая, будто шмель – сытый бенгальский тигр,
скрывшийся от жары в джунглях цветущих клумб.

Сумеречный мирок – дворик монастыря,
где предзакатный зной плавит на камне медь.
Из лепестков тугих парусник мастера,
можно бы ничего более не иметь.

И, провожая день, медлить до полутьмы,
слыша, как вдалеке лодочник бьёт веслом.
Или в вечерний час, перелистав Псалмы,
думать, как был красив мальчик Авессалом.

Елена Лапшина

.....

ВИРСАВИЯ

Пощади Вирсавию, пощади, –
и старела – преданная – любя.
А в твоём доме на твоей груди –
Ависага, греющая тебя.

Не украсит стана цветной виссон,
не сокроет лет золотая нить.
Ависага твой охраняет сон.
А меня-то – некому охранить.

Не ломаю руки, не плачу – в крик,
а бессонно мучаюсь до утра.
И не верят очи, что ты – старик,
и самой не верится, что стара.

* * *

Бедствуя в будке, долго ль приноровить
тело к цепи, и, цепь по земле возя,
можно ходить по струнке, почти не выть,
но заслужить – увы! – ничего нельзя.

Благо хозяин добрый, пока не пьёт
(псине всё радость – был бы хотя живой):
кормит почти исправно, нечасто бьёт, –
много ли надо дуре сторожевой.

А пришибёт бывало – так не слабак.
Тут бы в бега да праздновать свой побег!
Но испокон не цепи держат собак.

Холодно в будке, и падает с неба – снег.

Елена Лапшина

.....

* * *

Все эти па полётные в метели,
нагие ноги, нижущие згу,
болезненность балета на снегу
и изуверство наледи на теле,

и всплески рук, и лёгкие прыжки...
И в забытьи, как девочка больная,
я всё живу, и всё ещё – не зная,
зачем танцую смерти вопреки.

И так, не пробуждаясь ото сна,
кружу в зиме и умираю в ней же.
Изнеможенье нежити нежнейшей.
Немая кода. Занавес. Весна.

* * *

Засяду за Псалтирь – замучает зевота
(всё к Богу не иду, хоть без него невмочь).
Как девочка в саду, аукаю кого-то
в душистым табаком прокуренную ночь.

И сколько ни юли, ни прячясь по тенётам –
из детской позовут, напомнят о родстве.
И, кажется, пойдя да встань перед киотом,
а хочется лежать в стрекодушей траве

и слушать голоса лягушечьи и птичьи,
и близиться к земле... и – Господи, прости –
мне кажется, что я живу в чужом обличьи,
а мне бы – по листу улиткою ползти.

СОДЕРЖАНИЕ

О нашей библиотечке.....	3
Елена Лапшина.....	4
Как речная рыба по стуже мрёт.....	6
Через целую жизнь.....	7
Ещё никто не понял, что случилось.....	8
Я знаю эту хворь на грани невозврата.....	9
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ	10
На даче – лепота: пионы и люпин.....	11
НЕМО.....	12
Вольнолюбивый, боли моей внемли.....	13
Тупое упорство природы	14
Слепо плывущей на рокот обрыва	15
Мы – в замысле – сошли не разными.....	16
Мне дашь ещё тридцать – к полудню.....	17
И в дольний мир ненадолго сходя	18
Где крона вековая высока.....	19
Всяко хищного хитрого зверя.....	20
Бесстрашный мир до дерзких десяти.....	21
Сколько ни славословь	22
Она коротала морозную ночь до утра.....	23
МОНАСТЫРСКИЙ ДВОРИК	24
ВИРСАВИЯ.....	25
Бедствуя в будке, долго ль приноровить.....	26
Все эти па полётные в метели.....	27
Засяду за Псалтирь – замучает зевота.....	28

БИБЛИОГРАФИЯ

Вымани ангела.

М., СП-б, Летний сад. 2005 г

В невесомой воде.

М., СП-б, Летний сад. 2006 г

Библиотечка поэзии СПМ

Елена ЛАПШИНА

Стихи

Издание Союза писателей Москвы

Выпускающий редактор Л.М. Влодова.
Дизайн библиотечки и верстка Л.М. Влодовой.

Объем 1,5 п.л., формат 60 x 90

Тираж 500 экз.

Библиотечка ПОЭЗИИ

Союз писателей Москвы продолжает выпуск своей поэтической библиотечки. В предыдущих выпусках вышли книги Александра Ревича и Евгения Бунимовича.

Союз писателей МОСКВЫ

В следующем выпуске
выйдет книга Юрия Влодова